

Известия, 1979, 29 сентября

СУДЬБЫ иных книг схожи с людскими. Кажется, складываются они по тем живым законам, которым подвластно только человеческое бытие. И так же, как у лучших из людей, их жизнь бесконечна.

На обложке первого издания романа «Как закалялась сталь» изображены стальной штык трехлинейки — оружия революции — и ветвь сирени с двумя трепетными листочками на ветру. Такой штык можно увидеть теперь лишь в музеях. А молодежь ведет свои бесконечные диспуты: нужна ли ветка сирени в космосе?..

Книгу, на обложке которой соединились эти символы, знает, читает и почитает весь мир. Она увидела свет 432 изданиями на 62 языках народов СССР и мира общим тиражом в 24 миллиона экземпляров. Впрочем, абсолютно точными цифрами мы не располагаем. По имени главного героя романа Павла Корчагина стали называть себя несколько молодых поколений советских людей корчагинцами. Сказать о ком-либо — он корчагинской породы — значит отметить высшие человеческие качества.

Мужественная жизнь автора романа «Как закалялась сталь» Николая Островского известна до мельчайших деталей. Жизнь эта прошла на виду у многих людей и сама стала как бы открытой книгой, каждая строка в которую вписана твердо, горячо и искренне.

В эти дни, 29 сентября, Николаю Алексеевичу Островскому исполнилось бы семьдесят пять лет. И хотя его физически нет среди нас уже больше четырех десятилетий, мы отмечаем этот юбилей вместе с писателем и его пламенными произведениями. Советские люди чувствуют писателя-коммуниста как родного и близкого человека, ибо нет у нас такого дома, семьи, в которых не читались бы «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей».

Приходят в жизнь все новые поколения, и для каждого из них роман «Как закалялась сталь» становится откровением, за его страницами видятся немеркнущие зори сотворивших нашу историю времен и путеводные звезды в юношеских поисках жизненных идеалов.

В апрельские дни 1930 года, когда только сходил снег с мо-

сковских бульваров и чисто голубело небо, опрокинутый навзничь жестокой болезнью Николай Островский начал писать первые страницы своего романа. Эти странички можно увидеть в музее его имени. Было это в доме № 12 в переулке с диким названием «Мертвый» (некоторые улицы и переулки Москвы к тому времени еще не успели избавиться от дореволюционных названий), в коммунальной квартире, в которой Островские занимали полкомнаты.

«Хотя сил нет, но берусь за карандаш», — писал Розе Ляхович в конце этого переломного (в который раз!) месяца своей жизни Николай Островский.

В августе 1920 года взрыв вражеского снаряда вышиб Островского из атакующей конармейской лавы. Это тогда перед его глазами вспыхнуло магнием зеленое пламя, ударило страшной силой в уши громом, прижгло каленым железом голову, страшно и непонятно закружилась земля...

Все последующие годы раны и болезни пытались вышибить его из жизни.

Он явно преувеличивал, написав о себе в те дни, когда были почти слепою написаны первые страницы романа, что после тяжелейшего периода удалось сохранить «неразрушенное динамо, это же каленное сталью большевистское сердечко, не исчерпав до 99% физические силы».

Каленное сталью большевистское сердечко — это правда.

А сил физических — никаких, и на небольшое письмо с теми бодрими строками потребовался целый день. А как же с задуманным многостраничным, многоглавным романом, название для которого уже выношено, выстрадано — «Как закалялась сталь»?

Сабля была выбита в бою под Львовом, неизлечимая болезнь выбирала лишь момент, чтобы нанести решающий удар, но у него оставалось (даже не напишешь «в руках», руки чуть двигались) грозное оружие — мысль.

ОДНА ЖИЗНЬ И ВЕЧНОСТЬ

К 75-летию со дня рождения Николая Островского

«...Только смерть заставляет большевика сложить оружие» — это строки из представления читателям одного из самых ранних изданий романа.

Перед мужеством Николая Островского и смерть оказалась бессильной.

РОМАН был начат в апреле 1930 года. В апреле 1932-го журнал «Молодая гвардия» приступил к его публикации. Между датами пролегал резек времени в два года, двадцать четыре месяца, что-то около семисот дней. Какой мерой оценить все то, что совершил Николай Островский за это время и после него, — а впереди оставалось всего лишь чуть более четырех лет, — какой мерой оценить все то, что было совершено?

Новичок в писательском деле, он не хотел для себя никаких скидок, наоборот, предпочитал, чтобы к его творчеству относились с предельной требовательностью. И в этой предельной, поистине революционной требовательности к себе — тоже один из уроков жизни Островского.

По письмам, статьям, выступлениям, воспоминаниям родных и друзей Николая Островского можно с максимально возможной точностью воссоздать не только главные факты его жизни в тот период, но и нравственную атмосферу, в которой, в буквальном смысле не видя белого света, трудился писатель.

Мы знаем, сколько было сделано попыток выдвинуть на первый план якобы присущий Островскому аскетизм, увидеть в «феномене Островского» прежде всего мученичество, отрешенность от земного. Но поставить стену между Островским и жизнью не удалось никому. Все восстает против этого, каждое слово Островского, все его действия, все мысли. Да, он не раз подсчитывал, сколько ему отпущено судьбой, но эти страстные подсчеты были нужны ему только для одного — чтобы считать силы, успеть, успеть, успеть...

«...Я еще буду жить и бузотерить»... — говорил Павел Корчагин. Николай Островский был исполнен непреклонной решимости жить и бороться. Он был человеком партийного долга, и с этих позиций он оценивал все. Наверное, именно после мучительных раздумий в абсолютной темноте и неподвижности родились вот эти, проникнутые суровым оптимизмом строки письма к Анне Караваевой: «Предатель — здоровье вновь изменило мне: я неожиданно скатился к угрожающей черте... Несмотря на всю опасность, я, конечно, не погибну и на этот раз, хотя бы уже потому, что я не выполнил данное мне партией задание. Я обязан написать «Рожденные бурей». В этом же письме звучит страстная надежда, что у него еще есть в запасе «минимум жизни» — пять лет.

Жить ему оставалось гораздо меньше, но впереди была — вечность...

Роман «Как закалялась сталь» мгновенно заметили, оценили и полюбили десятки тысяч читателей. Он в течение короткого времени выдержал несколько изданий. В музеях хранятся письма от любимой Островским комсомолки — восторженные, искренние, чистые, исполненные неизбывной веры в идеалы революции, составившей плоть и суть романа.

В обстановке бурных литературных и не только литературных споров и поисков той поры роман Островского многих восхищал абсолютной, предельно выраженной авторской позицией, а иных — не будем забывать — именно поэтому раздражал.

Роман в обиду не дали. О нем шла речь на X съезде комсомола, делегатом которого был избран писатель и «присутствовал» на всех его заседаниях с помощью радио. Стенограммы съезда зафиксировали диалог секретаря ЦК ВЛКСМ А. Косарева и ответственного редактора «Комсомольской правды» В. Бубекина в связи с тем «за

говором молчания», который устроили вокруг романа некоторые околотературные критики. Алексей Максимович Горький, высоко оценивший Островского за то, что тот нашел в себе «великую силу» написать книгу («Да какую книгу!»), вынужден был заметить: «У нас есть люди, которые по-разному к нему относятся, но это дело их совести».

Менее сдержан был Михаил Кольцов, обрушившийся на «бойких молодых людей», бродящих «важным кандибобером», рвущих толстые авансы в толстых журналах и скандалящих в ожидании памятников себе. А в то же время, писал публицист, «...маленький, бледный Островский, навзничь лежащий в далекой хатке в Сочи, смело вошел в литературу. Отодвинул более слабых авторов, завоевал сам себе место в книжной витрине, на библиотечной полке». Михаил Кольцов задавал вопрос критикам Островского: «Разве же он не человек большого таланта и беспредельного мужества?».

Время, история четко расставили все точки над «i» в давней литературной дискуссии. Можно было бы о ней и не упоминать, однако стоит ли и забывать ее? Разве перевелись «бойкие молодые человеки», и уже не бродят они «важным кандибобером», нарифмовав полхлестче страницы? Разве перевелись любители выискивать модные «темы» в подворотнях и среди отбросов?

Всем своим творчеством Николай Островский не только работал за кристальную, большевистскую ясность авторской позиции, соединяя ее в единое целое с художественным мастерством, но и восставал против околотературной зауми, идейной хлипкости, сознательной или случайной недосказанности. Трогательно и торжественно звучат и сегодня строки из постановления ЦИК СССР: «Наградить орденом Ленина писателя Островского Николая Алексеевича, бывшего активного комсомоль-

ца, героического участника гражданской войны, потерявшего в борьбе за Советскую власть здоровье, самоотверженно продолжавшего оружием художественного слова борьбу за дело социализма, автора талантливого произведения «Как закалялась сталь».

Родина отмечала высшей своей наградой верного сына, который мог сменить одно оружие на другое в борьбе за ее счастье, за ее коммунистическую правду, но выпустил оружие из своих рук — никогда.

Ясно видя исключительность судьбы Островского, мы, в нашем времени, в семидесятых годах, не считаем исключительными силу духа и идеи закаленного революцией паренька из Шепетовки. Он был одним из миллионов, и в этом его сила и бессмертие.

ТОМИК с романом Островского шел вместе со всей страной через невзгоды и победы, был в полевых сумках и вещмешках солдат Великой Отечественной войны, бережно хранился комсомольцами подпольных организаций и партизанских отрядов в тылу фашистов, читался и перечитывался покорителями целины, добровольцами ударных строек.

На фронтах сражались танки и самолеты «Николай Островский», имя писателя носили комсомольско-молодежные сводные батальоны на передовой и фронтовые бригады на оборонных заводах.

Один из первых совхозов на целине был назван в честь Островского. На реках страны сегодня делает свою мирную работу теплоход «Николай Островский», на стройках пятилетки трудится всеозначный ударный отряд «Корчагинец».

Для молодых сталеваров стали традицией корчагинские плавки, комсомольцы в честь знаменательных дат в жизни страны несут ударные корчагинские вахты.

Сталь Островского только крепче закалилась временем, от искр ее плавки ярче видны подвиг писателя и величие тех нравственных идеалов, которым

он посвятил жизнь. Без зрения, в кромешной темноте, на которую обрекла его болезнь, он ярко видел ориентиры на пути в будущее.

Его любят миллионы, но нет случайности в той ненависти, которую испытывали к его книгам фашисты всех мастей и оттенков, швыряя их в костры на площадях, перемалывая гусеницами танков. У иных книг судьбы, как у лучших из людей: когда грохочет гроза, они идут ей навстречу. Опаленные сражениями, пробитые пулями и осколками, но не убитые — живые, они вновь stanovятся в строй, чтобы воспитывать новые поколения борцов. Такими можно увидеть и экземпляры книг Николая Островского в музеях. И нет никаких временных оттонок в той любви, которую питают миллионы читателей во всем мире к книгам писателя-коммуниста. Здесь, как говорится, время не властно.

Много знаменательного в том, что именно Николаю Островскому была присуждена самая первая премия Ленинского комсомола, учрежденная за лучшие, талантливейшие произведения для молодежи. Диплом и лауреатский знак № 001 жене и другу Островского Раисе Порфирьевне от имени всего комсомола страны вручал космонавт № 1 Юрий Алексеевич Гагарин. Так уже в наше время слились героические трассы парня из гражданской войны и первопроходца космоса.

На долю книг Островского выпала счастливая судьба. Их читали наши отцы, читаем мы, будут читать наши дети и внуки.

В последние годы Николай Островский много и напряженно размышлял о смысле, содержании, целях жизни. Широко известны слова Павла Корчагина: «Самое дорогое у человека — это жизнь»... и далее — о том, как ее надо прожить, «чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы». Островский несколько раз возвращался к этому необычайно важному месту романа, углубляя его внос в строки ту бездонную ясность, которая читается в них сегодня и будет читаться всегда.

Свою собственную жизнь он прожил именно так.

Л. КОРНЕШОВ.